

Стенли Эллин
Смерть в сочельник
М.: Радуга, 1992

Содержание:

- Стэнли Эллин. Исполнитель (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 5-25
- Стэнли Эллин. Смерть в Сочельник (рассказ, перевод С. Дубовик), стр. 26-36
- Стэнли Эллин. Любитель древностей (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 37-60
- Стэнли Эллин. Двойник дурака (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 61-80
- Стэнли Эллин. Самое-самое (рассказ, перевод В.Л. Денисова), стр. 81-97
- Стэнли Эллин. Предатели (рассказ, перевод О. Осовского), стр. 98-117
- Стэнли Эллин. Домашний спектакль (рассказ, перевод В.Л. Денисова), стр. 118-135
- Стэнли Эллин. Момент решения (рассказ, перевод О. Осовского), стр. 136-161
- Стэнли Эллин. Фирменный поезд (рассказ, перевод А. Ливерганта), стр. 162-174
- Стэнли Эллин. Метод Блессингтона (рассказ, перевод С. Дубовик), стр. 175-191
- Стэнли Эллин. Необоснованное сомнение (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 192-202
- Стэнли Эллин. День пули (рассказ, перевод М. Смирновой), стр. 203-222
- Стэнли Эллин. С девяти до пяти (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 223-241
- Стэнли Эллин. Лучшее средство (рассказ, перевод Е. Карпинской), стр. 242-259
- Стэнли Эллин. Смерть идеалистки (рассказ, перевод Е. Карпинской), стр. 260-277
- Стэнли Эллин. Двенадцатая статуя (повесть, перевод Р. Шидфара), стр. 278-328
- Стэнли Эллин. Самая лучшая бутылка (рассказ, перевод Р. Шидфара), стр. 329-352
- Стэнли Эллин. Нумизматы (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 353-366
- Стэнли Эллин. Выройте себе могилу (рассказ, перевод Е. Богдановой), стр. 367-383

Стенли Эллин

Необоснованное сомнение

Войдя в вагон, мистер Уиллоуби отыскал свободное место и, стараясь причинять как можно меньше беспокойства окружающим, пробрался к нему и сел. Чувство огромной благодарности прямо-таки распирало его: отдых начался блестяще — ни намек на адские головные боли, терзавшие его весь год, от железного обруча вокруг черепа не осталось и следа, как и от сверлившего его голову буровчика, прекратился сумасшедший стук молоточков, сутками звучавший у него в ушах.

— Это перенапряжение, — сказал тогда доктор, — физически вы здоровы как бык, но ваш образ жизни... Ведь каждый день вы сидите за столом, решая одну проблему за другой, и так без конца, пока ваш мозг не сожмется, как тугая пружина. А потом вы идете домой и продолжаете вгрызаться в свои проблемы там. Мало спите, наверно?

Мистер Уиллоуби признался, что да, действительно мало.

— Я так и думал, — заключил доктор. — Что ж, совет здесь только один: отдых и еще раз отдых. Забудьте обо всем, заприте мозг на семь замков. Ничего, кроме легкой болтовни, никаких проблем, даже кроссвордов. Закройте глаза и слушайте шелест окружающего мира. И тогда все будет хорошо, — заверил он.

И все действительно стало хорошо. Мистер Уиллоуби почувствовал улучшение после всего лишь одного дня лечения. А ведь впереди целые недели блаженства и покоя. Конечно, не всегда удается легко отбросить в сторону проблемы, которые приходят на ум: вот, например, сейчас на курительном столике рядом с его креслом лежит газета, а в ней заголовок со словами:

«Экономический кризис вновь потряс страну». Мистер Уиллоуби поспешно отвернулся, а газету засунул подальше, на полку под столиком.

Победа незначительная, но все равно приятно.

За окном мелькали холмы и долины. Он лениво следил глазами за столбиками с отметками расстояния, которое им предстояло еще проехать, и мало-помалу начал погружаться в сон, как вдруг понял, что в сознание, помимо его воли, проникает чей-то голос. Его кресло углом примыкало к креслу его соседа, полного седовласого человека, целиком поглощенного беседой со своим спутником. Сам по себе голос звучал негромко, но не прислушиваться к нему было невозможно — так шепот профессионального актера отчетливо слышен во всех уголках зала, вплоть до самых дальних рядов галерки. Голос был так ясен и отчетлив, что, даже не желая подслушивать, можно было уловить каждое произнесенное слово, а мистер Уиллоуби к тому же хотел подслушивать совершенно сознательно, потому что беседа в значительной степени представляла собой высокоученое рассуждение на юридические темы. Полный мужчина явно был адвокат с огромным опытом и почти сверхъестественной памятью, и сочетание этих свойств действовало на мистера Уиллоуби так же, как звуки нежной камерной музыки, вылетающие из-под пальцев искусного музыканта.

Внезапно он насторожился, словно терьер, учуявший лисицу.

— Самый интересный случай, с которым мне приходилось иметь дело? — произнес звучный голос в ответ на просьбу своего спутника. — Видите ли, сэр, такой случай, бесспорно, был, и, более того, я считаю, что он потряс бы любого юриста, который когда-либо существовал на земле, начиная от царя Соломона. Никогда — ни до, ни после этого — мне не приходилось сталкиваться с таким странным, фантастичным, я бы даже сказал, адским по своему замыслу делом. И какой же у него был конец уже после того, как казалось, что все решено и ничего уже нельзя сделать, — знаете, со стула упадешь, когда вспомнишь. Но давайте я расскажу по порядку.

Мистер Уиллоуби слегка сполз со своего кресла, уперся каблуками в пол и незаметно придвинулся к креслу своего соседа, так что зазор между ними совсем исчез. Он вытянул ноги, спокойно сложил руки на груди и закрыл глаза, являя собой зрелище человека, спящего глубоким сном. Но на самом деле он бодрствовал, да так активно, как никогда в жизни.

* * *

По понятным причинам, начал адвокат, я не стану называть настоящие имена этих людей, хотя с тех пор прошло уже немало лет. Это естественно, ведь речь идет об убийстве с целью обогащения, отлично задуманном, идеально выполненном и к тому же направленном на то, чтобы превратить все, что написано в наших юридических книгах, в самую настоящую пародию.

Жертва — назовем его Хози Сноу — самый богатый человек в городе, довольно старомодный субъект. Помню, он всегда ходил в котелке черного цвета и с жестким накрахмаленным воротничком, даже в самую жару. Он владел банком, фабрикой и еще парой предприятий в тех краях. Среди местных ни для кого не было секретом, сколько стоил этот богач. На день смерти его состояние приближалось к двум миллионам долларов, и, если вы вспомните, какими низкими в те времена были налоги и как высоко стоил доллар, то поймете, почему его так высоко оценивали.

Семейство богача состояло из двух племянников, сыновей его покойного брата. Звали их Бен и Орвилл. Они представляли, можно так сказать, бедную ветвь семьи. Когда отец и мать умерли, им не осталось ничего, кроме старого, запущенного дома, где они оба и жили.

Бену и Орвиллу было в то время лет по двадцать пять, эдакие красавчики, лица гладкие, с правильными чертами, примерно одного роста и сложения. Если бы захотели, они могли бы легко добиться всеобщего признания, но держались они как-то намеренно замкнуто, не сходясь близко ни с кем. Не то чтобы здесь была подчеркнутая отчужденность, нет — они всегда улыбались, если встретишься с ними на улице, здоровались, — но просто им хватало друг друга и люди им были не нужны. В наше время много говорят о ревности между детьми в семье или о всяких там «комплексах братьев», но только их это совершенно не касалось.

Оба они работали у дяди в банке, но ни у того, ни у другого душа не лежала к этой работе. И хотя они знали, что после смерти Хози все деньги достанутся им, похоже, это их совершенно не радовало. Вообще-то Хози был из таких, знаете, засушенных жилистых субъектов, которые всех на свете переживут, так что надеяться на скорое получение наследства от него — удовольствие сомнительное, и ясно, что братья ждали его с тех самых пор, когда они впервые узнали, что такое доллар.

А пока их, казалось, целиком занимало нечто глубоко чуждое работе в банке, деньгам и всему, что с этим связано. Хози никогда не мог ни понять, ни одобрить этого, он сам не раз мне говорил. Они хотели сочинять песни, и, насколько я могу судить, у них были к этому несомненные способности. Какое бы событие ни случалось в городе, если требовался концерт или какое-нибудь зрелище, Бен и Орвилл всегда были там со своими песнями, причем каждый раз с новыми. Никто не знал, который из них пишет музыку, а который — слова, и уже само по себе это создавало вокруг братьев ореол таинственности. В городе не прочь были посудачить на эту тему, так что можете легко себе представить размеры и нравы этого местечка, если такие вещи могли быть всеобщим объектом для разговоров.

Тишина и покой кончились в тот день, когда Хози Сноу был найден мертвым в своем огромном доме. Его застрелили из пистолета, пуля попала прямо в лоб, в самую середину. Рано утром меня вытащил из постели телефонный звонок — это был прокурор округа, и он-то первый и сообщил мне, что Бен Сноу ночью застрелил своего дядю, арестован и просит меня приехать в тюрьму прямо сейчас.

Едва одевшись, я бросился туда и был совершенно ошарашен, когда увидел Бена: запертый в камере, он безмятежно читал газету, как будто весьма вероятное путешествие на тот свет с веревкой на шее совершенно его не касалось.

— Бен, — обратился я к нему, — ведь ты не сделал этого, правда?

— Говорят, что сделал, — невозмутимо отозвался он.

Не знаю, что озадачило меня больше — то, что он сказал, или то, как он это сказал.

— Что ты имеешь в виду? — продолжал я настаивать. — Послушай, мой мальчик, расскажи-ка лучше мне все, потому что ты можешь оказаться в большой беде.

— Ну, — начал он, — посреди ночи к нам с Орвиллом ворвались полицейские вместе с окружным прокурором, потому что оказалось, что дядя Хози убит. Болтали, болтали, а потом

заявили, что, по их мнению, это сделал я. Ну вот, а когда мне надоело все это занудство, я согласился, ладно, говорю, я это сделал.

— Ты хочешь сказать, — уточнил я, — что у них есть против тебя улики?

Он усмехнулся.

— На суде выяснится, — заявил он. — Все, что вам нужно сделать, это вызвать на суд Орвилла в качестве свидетеля, а больше ни о чем не беспокойтесь. Я сам не собираюсь давать показания, так что перекрестному допросу они меня не подвергнут. Не волнуйтесь, Орвилл все сделает как надо.

Нехорошие подозрения закрались мне в душу, но я отбросил их в сторону.

— Послушай, Бен, — сказал я, — вы с Орвиллом читали какие-нибудь книги о законах или что-нибудь в этом роде?

— Заглядывали, — лениво признал он, — в них полно интересных вещей.

Больше я ничего не смог от него добиться. Еще меньше мне удалось узнать у Орвилла — я тогда сразу отправился в банк и попытался поговорить с ним о его показаниях.

Можете себе представить, в каком я был состоянии, когда наконец наступил день суда. Дело вызвало сильнейший переполох — в городе такого еще не случалось. Зал суда был набит до отказа, а я, находясь, можно сказать, в центре событий, понятия не имел, что же я вообще должен сделать для Бена. Сам он относился ко всему, я бы сказал, с поразительным хладнокровием. Лично мне худо делалось при виде самодовольной физиономии прокурора — ну в точности как кот, насладившийся канарейкой. И я не мог порицать его за это — в конце концов, совершенно зверское убийство, полиция разобралась с ним моментально, и теперь он мог преспокойно почивать на лаврах, сидя с готовеньким дельцем в руках.

Обращаясь с речью к присяжным, он красочно обрисовал преступные деяния подсудимого. Мотив преступления ясен: Бену Сноу предстояло получить миллион долларов после смерти дяди. Способ совершения — вот он, на столе у секретаря, все могут его увидеть: это старый пистолет, оставшийся после смерти отца Бена Сноу вместе с остальным имуществом покойного много лет назад. Пистолет был обнаружен (причем доказано, что из него недавно произвели выстрел) прямо на кухне, где Бен и Орвилл пили кофе в тот момент, когда полиция ворвалась к ним. А признание, подписанное Беном в присутствии свидетелей, исключает всякую возможность сомнения в расследовании этого дела.

Что мне оставалось после этого? Только призвать на помощь слепую веру в невиновность Бена и делать то, что он от меня хотел. Орвилла Сноу вызвали в качестве первого моего свидетеля — и единственного, как я понимал, — и, по-прежнему не имея ни малейшего представления, о чем он, собственно, собирается говорить, я пригласил его пройти в ложу для свидетелей. Он принял присягу, затем сел на скамью, разгладил смявшуюся складку на брюках и посмотрел на меня с тем же безмятежным спокойствием, с каким вел себя Бен с самого начала этого ужасного дела.

Вы понимаете, я так мало знал обо всем случившемся, что даже не представлял себе, с чего начать. В конце концов я решил, что надо брать быка за рога, и обратился к нему с такими словами:

— Свидетель, не будете ли вы любезны рассказать суду присяжных, где вы находились в ту ночь, когда было совершено убийство?

— С удовольствием, — отвечал Орвилл. — В ту ночь я находился в доме дяди Хози с пистолетом в руке. И, если бы полиция спросила прежде меня, вместо того чтобы приставать к Бену, я бы все рассказал. Дело в том, что дядю убил я.

Господи, что тут началось! И еще говорят о каких-то сенсациях в зале суда. Поднялся невообразимый рев. И тут, посреди всего этого гвалта, я увидел, что Бен посылает мне нетерпеливые знаки рукой.

— Теперь, — зашептал он, — делайте что хотите, только не допустите, чтобы приостановили процесс. До присяжных должно дойти, понимаете?

Да, теперь я все понял. Подозрения постоянно крутились у меня в голове, но совесть не позволяла мне копаться в них. Теперь же все стало на свои места, и меня сразу же охватило острое отвращение к братьям. Но в то же время я не мог не испытывать по отношению к ним определенного восхищения, и вот оно-то и заставило меня разыграть все так, как этого хотел Бен. Прокурор, по-моему, был готов плюхнуться на колени, только бы я остановил суд, и вот, под его

умоляющим взглядом, я встал, подошел к свидетельской ложе и попросил Орвилла продолжать свой рассказ, как если бы ничего сенсационного не произошло.

Рассказывал он со знанием дела. Начал с того, как впервые ощутил в себе страстное желание получить эти деньги и как оно, словно наркотик, постепенно проникало в кровь и дальше, во всех подробностях он описал все, в том числе и само убийство. Присяжные сидели как замороженные, а я, довершая впечатление, напомнил в своей заключительной речи, что, для того чтобы признать человека невиновным, требуется только одно: обоснованное сомнение в его вине.

— Таков закон нашего штата, — сказал я, — необходимо обоснованное сомнение. Именно это вы сейчас и ощущаете в свете признания Орвилла Сноу, заявившего, что он один совершил то преступление, в котором обвиняется его брат.

Полиция схватила Орвилла, как только были произнесены слова «Бен не виновен», и в этот вечер я встретился с ним в той самой маленькой камере, в которой содержался Бен. У меня почти не оставалось сомнений в том, что я сейчас услышу.

— Мой свидетель — Бен, — заявил он. — Просто обеспечьте, чтобы меня не вызывали давать показания, а говорить будет он.

Тогда я попробовал вытянуть из него правду.

— Послушай, Орвилл, Хози убил один из вас. Тебе не кажется, что мне, как вашему адвокату, следовало бы знать, кто именно это сделал?

— Нет, не кажется, — с видимым удовольствием отозвался он.

— Не слишком ли ты доверяешь брату? — возразил я. — Бен на свободе, его оправдали. Что, если он не захочет давать показания в твою пользу, как это сделал ты, и просто заберет себе два миллиона долларов, а ты пойдешь на виселицу? Тебя это не беспокоит?

— Нет, — уверенно сказал Орвилл, — если бы нас это беспокоило, мы просто-напросто не пошли бы на все это.

— Ну хорошо, — в заключение сказал я, — делайте что хотите. Но скажи мне, Орвилл, ради любопытства, как вы решали, кто из вас прикончит старого Хози?

— Разыграли в карты, — равнодушно отвечал Орвилл, и больше мне уже нечего было сказать.

Если процесс Бена взбудоражил весь город, то на суд над Орвиллом люди собрались со всего округа, и теперь наступила очередь прокурора бледнеть при виде невероятного скопища народа в зале суда. В глубине души он уже знал, что должно произойти, и не в его власти было изменить ход событий. Более того, он чувствовал себя по-настоящему оскорбленным столь неприкрытым издевательством над законом, поруганием его веры в Правосудие. Бен и Орвилл обнаружили, так сказать, лазейку в законодательстве и теперь, на глазах у всей толпы, собираются проскользнуть в нее, и ничто не может их остановить. Суд присяжных не имеет права осудить человека, если существует обоснованное сомнение в его вине, и человек не может повторно быть судим за преступление, если суд присяжных ранее оправдал его. Невозможно было даже привлечь обоих к суду за преступный сговор с целью совершения убийства, потому что это меньшее по значимости обвинение и само по себе уже включается в обвинение в убийстве. Короче говоря, было от чего упасть в отчаяние.

Но тем не менее он держал себя в руках, пока Бен рассказывал присяжным свой вариант этой истории. Рассказ его был так же хорош, как и рассказ Орвилла на прошлом суде. Он так выразительно описал весь ход событий, что казалось, будто сам присутствуешь в комнате его дяди, видишь оружие, несущее смерть, и рухнувшего на пол старика. Присяжные слушали, затаив дыхание, совершенно ошеломленные, а прокурор, глядя на них, сгрыз себе ногти до мяса. Но вот он наконец взглянул на Бена и тут, не выдержав, дал себе волю.

— Разве все это не чудовищная ложь от начала и до конца? — в бешенстве закричал он. — Как можно быть невиновным в преступлении один день и виновным — на следующий?

Бен поднял брови.

— Я никогда не утверждал, что я невиновен, — с возмущением сказал он, — как раз наоборот, я все время говорил, что это я убил дядю.

Нельзя было отрицать его правоты. Действительно, в протоколе ничего подобного не было, и спорить тут было не о чем.

Никогда я не чувствовал себя более уверенным и в то же время так глубоко несчастным, как в тот день, когда я поднялся, чтобы произнести заключительную речь перед присяжными. Ровно одна минута потребовалась мне для резюме — самого короткого резюме во всей моей жизни.

— Если бы я сидел на этой скамье, среди вас, добрые люди, обратился я к ним, — вот что я думал бы: совершенно гнусное преступление, и совершил его один из этих двух людей, которых вы видите перед собой здесь, в этом зале. Но могу вам поклясться, что, так же как и вы, я не знаю, кто из них это сделал, и, как бы ни восставала против этого моя душа, мне пришлось бы вынести единственно возможный приговор: «Не виновен».

К этому ничего не нужно было добавлять, и они вынесли приговор еще быстрее, чем в случае с Беном. Я же испытывал двойственное чувство при виде этих двух молодых людей, один из которых совершил убийство, когда, выходя из зала, они улыбались. Как я уже говорил, я чувствовал отвращение к ним, но вместе с тем в этих двоих было что-то такое, что одновременно и бесило, и восхищало. Они все поставили на одну-единственную карту — на преданность друг другу, и эта преданность выдержала испытание огнем...

Полный мужчина замолчал. Затем с той стороны послышалось чирканье спички, и перед носом мистера Уиллоуби поплыли клубы дыма, исходящего от дорогой сигары соседа, и в ее резком аромате нить за нитью растворилась волшебная паутина прошлого, освободив из своих сетей образы настоящего.

— Да, сэр, — вновь заговорил рассказчик, и в голосе его явственно послышалась тоска по прошедшему, — немало придется поискать, прежде чем удастся найти еще один такой случай.

— Вы хотите сказать, — уточнил его спутник, — что им действительно это удалось? Неужели они в самом деле нашли способ совершить идеальное убийство?

Полный мужчина презрительно фыркнул.

— Идеальное убийство, какая чепуха! У этого дела был потрясающий, невероятный конец. Ничего у них не вышло!

— Не вышло?

— Ну конечно, нет. Видите ли, когда они...

Ах, господи, да ведь это же наша станция! — закричал вдруг он — и в следующее мгновение уже летел через вытянутые ноги мистера Уиллоуби с портфелем в руке. Переброшенный через другую руку плащ развевался, а за ним несли его спутник.

Ошеломленный, мистер Уиллоуби некоторое время сидел не шевелясь, широко раскрыв глаза. В горле пересохло, сердце бешено колотилось.

Затем он вскочил на ноги, но было уже поздно — оба пассажира исчезли.

Он было побежал в том направлении, куда они ушли, но понял, что это бесполезно и ему их не догнать. Тогда он кинулся к окну и стал оглядывать станцию.

Полный пассажир стоял на платформе, почти сразу под окном. Мистер Уиллоуби совершил гигантское усилие, чтобы поднять раму, но она даже не шелохнулась. Тогда он забарабанил костяшками пальцев по стеклу, и тот поднял голову.

— Как? — Мистер Уиллоуби постарался произнести это слово как можно четче, но, к своему ужасу, понял, что сквозь закрытое окно ничего не слышно. И тогда его осенило. Изобразив, будто его рука — это пистолет, он нацелил вытянутый указательный палец на полного мужчину, а большой палец опускал вниз, как будто нажимал на курок.

— Бах-бабах! — вопил он. — Как?

Остолбенев от изумления, полный мужчина некоторое время смотрел на него, затем переглянулся со своим спутником и, приставив к виску свой указательный палец, повертел им несколько раз. Это было последнее, что увидел мистер Уиллоуби. Поезд тронулся и сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее заскользил вдоль платформы.

И, только когда он отошел от окна и сел на место, до его сознания стало доходить, что, во-первых, все лица в вагоне обращены в его сторону и на каждом написано предвкушение чего-то очень интересного, а во-вторых... Его голову туго сжимал железный обруч, буравчик с силой ввинчивался в мозг, а крошечные молоточки с прежней силой возобновили свою работу.

Отчаяние охватило его. Не будет блаженства, не будет покоя, прекрасный отдых превращался в прежний безысходный кошмар.